

Продолжение.
Начало в "РМ" №4173.

Художник и власть. Частный случай

Политбюро ЦК ВКП(б) и Михаил Булгаков

В тот же день, 3 апреля, в Наркомпросе во время закрытого совещания замов наркома слушали: "Письмо драматурга Булгакова". Постановили: "Ввиду характера письма драм. Булгакова оставить его без рассмотрения".

А 5 апреля нарком по просвещению, уже Бубнов, напишет в свою очередь:

"Тов. Сталину.

Направляю Вам письмо драматурга Булгакова и постановление Коллегии Наркомпроса по нему.

Письмо наглое. В нем Булгаков в полной мере обнаруживает свою белогвардейскую физиономию".

По-военному кратко и точно. Не я один, значит, обратил внимание на тон письма.

Сохранился экземпляр письма правительству, завезенный Булгаковым в ОГПУ, с сопроводительной запиской:

"2.IV.1930 г.

В Коллегию Объединенного Государственного Политического Управления.

Прошу не отказывать направить на рассмотрение Правительства СССР мое письмо от 28.III.1930 г., прилагаемое при этом.

М.Булгаков.

Москва, Б.Пироговская 35-а, кв.б. телефон 2-03-27. Михаил Афанасьевич Булгаков".

В правом верхнем углу копии Ягоды его рукой записана резолюция: "Надо дать ему возможность работать где он хочет. Г.Я. 12/IV".

Характер распоряжения и его

дата камня на камне не оставляют от многих прекрасных булгаковедческих теорий.

Маяковский стреляется 14-го. Похороны — 17-го. (Для тех, кто "параллелит" их судьбы. Смерть Маяковского, если очень грубо: смерть чиновника, лишившегося расположения начальства. Противостояние Булгакова — поведение человека, для которого главное — его творчество. Оно и дает силы, чтобы устоять. Это рассуждение не ставит целью "обидеть" гениального поэта. Просто к 1930 году, вполне добровольно и с охотой, человек-Маяковский сам загнал свой дар. Человек-Булгаков, с этого года мучимый страхами, явными для будущей жены, боится, но стоит на своем...)

18 апреля Сталин позвонил Булгакову...

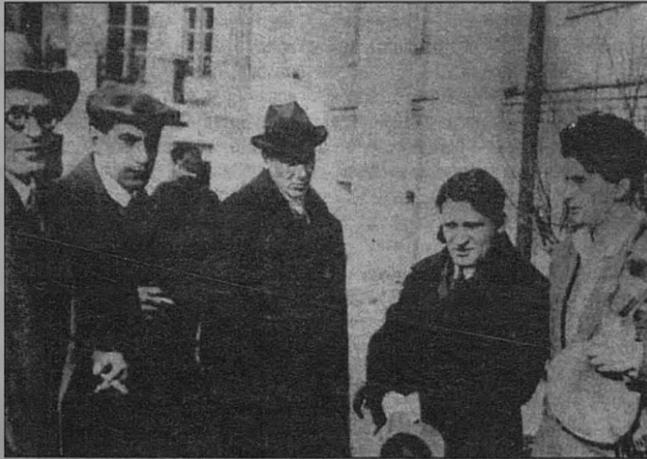
Есть несколько версий этого разговора и еще больше — толкований его и его последствий для Михаила Булгакова. Мне представляется, что объяснение этому факту проще, чем это принято считать. Сталин 1930 года — человек, победивший часть своих "врагов" в руководстве партии. Он еще на пути к абсолютной власти. В этой жизни его интересует только он сам и власть. Все его поступки продиктованы лишь одной страстью. Он никогда не занимается никем и ничем другим. Сталин как гениальный политик понимает, что звонок Булгакову будет истолков-

ван обществом как свершившееся чудо. Из главы страны, в которой кончают самоубийством, он мгновенно превращается в отца родного для гонимых и преследуемых камарильей чиновников, театральных и литературных критиков и т.п.

— Да все что угодно. Могу быть конторщиком, писцом, могу быть режиссером, могу...

— А в каком театре вы хотели быть режиссером?

— По правде говоря, лучшим и близким мне театром я считаю Художественный. Вот там я бы с

Михаил Булгаков среди писателей на похоронах Маяковского.

По документам: заявление Булгакова о приеме на работу во МХАТ "на должность режиссера" написано 10 мая. Почти через месяц после звонка. А как же "нищета, улица, гибель"? А как же — "лучшая школа, возглавляемая К.С.Станиславским и Вл.И.Немировичем-Данченко"?

Зарегистрировано заявление Булгакова канцелярией МХАТа — 13 мая. А принят он на должность "режиссера-ассистента" с окладом чуть выше начинающих актеров — 27 мая 1930 года.

Мне кажется, многое в этой истории прояснит доклад секретного сотрудника ОГПУ, современника заинтересованного и хорошо информированного:

"В литературных и интеллигентских кругах очень много разговоров по поводу письма Булгакова.

Как говорят, дело обстоит следующим образом.

Когда положение Булгакова стало нестерпимым... Булгаков в порыве отчаяния написал три письма одинакового содержания, адресованные на имя И.В.Сталина, Ф.Кона (Главискусство) и в ОГПУ.

В этих письмах со свойственной ему едкостью и ядовитостью Булгаков писал, что он уже работает в сов. прессе ряд лет, что он имеет несколько пьес и около 400 газетных рецензий, из которых 398 ругательных, граничащих с травлей и с призывом чуть ли не физического его уничтожения. Эта травля сделала из него какого-то зачумленного, от которого стали бежать не только театры... Булгаков просил или отпустить его с семьей за границу, или дать ему возможность работать".

Феликс Кон, получив это письмо, написал резолюцию: "Ввиду недопустимого тона оставить письмо без рассмотрения". (Далее — изложение разговора со Сталиным. См. "Независимую газету" от 28.12.94). Через некоторое время, чуть ли не в тот же день, Булгаков получил приглашение от т.Кона "пожаловать в Главискусство".

Ф.Кон встретил Булгакова с чрезвычайной предупредительностью, предложив стул и т.п.

— Что такое? Что вы задумали, М.А., как же все это так может быть, что вы хотите?

— Я бы хотел, чтобы вы меня отпустили за границу.

— Что вы, что вы, М.А., об этом не может быть и речи, мы вас ценим и т.п.

— Ну тогда дайте мне хоть возможность работать, служить, вообще что-нибудь делать.

— Ну, а что вы хотите? Что вы можете делать?

удовольствием.

— Хорошо, мы об этом подумаем.

На этом разговор с Ф.Коном был закончен.

Вскоре Булгаков получил приглашение явиться во МХАТ-1-й, где уже был напечатан договор с ним как с режиссером.

Вот и вся история, как все говорят, похожая на красивую легенду, сказку, которая многим кажется просто невероятной.

Необходимо отметить те разговоры, которые идут про Сталина сейчас в литер. интеллигентских кругах. Такое впечатление, словно прорвалась плотина и все вдруг увидели подлинное лицо тов. Сталина.

Ведь не было, кажется, имени, вокруг которого не сплелось больше всего злобы, ненависти, мнений как об озверелом, тупом фанатике, который ведет к гибели страну, которого считают виновником всех наших несчастий, недостатков, разрухи и т.п., как о каком-то кровожадном существе, сидящем за стенами Кремля.

Сейчас разговор:

— А, ведь Сталин действительно крупный человек. Простой, доступный...

Рассказывают про встречи с ним, когда он был не то Наркомом, не то Наркомом РКИ: совершенно был простой человек, без всякого чванства, говорил со всеми как с равными. Никогда не было никакой кичливости. А главное, говорят, что Сталин совсем ни при чем в разрухе. Он ведет правильную линию, но кругом него сволочь".

Какие дивиденды собирает Сталин с одного звонка опальному писателю!

Ясно, что дело не в Булгакове, театре, литературе, искусстве. Игра циничная, точная, ошеломляющая простотой и доступностью для понимания (мнимого) с точным распределением среди участников типовых ролей: угнетенный, спаситель и "сволочи" (те, кто спасителя или не понял, или ослушался). Он хотел всем счастья, довольства и "больших творческих успехов". А "они"...

Продолжим:

"Эта сволочь и затравила Булгакова, одного из самых талантливых советских писателей.

Нужно сказать, что популярность Сталина приняла просто необычайную форму. О нем говорят тепло и любовно, пересказывая на разные лады легендарную историю с письмом Булгакова...

Вообще чувствуется удивительное изменение т.н. "общественного мнения" к тов. Сталину..."

19 апреля. На бланке ЦК ВКП(б) — бумага о рассылке пе-

ред заседанием политбюро, строго секретно:

"По поручению — Сталина рассылается письмо Булгакова, полученное на имя — Калинина.

т.т. Ворошилову, Калинин, Куйбышеву, Молотову, Рудзутак, Сталину, Томскому, Микояну, Бауману, Чубарю, Орджоникидзе, Ярославскому, Смирному, Шкирятову".

В протоколе политбюро №124 п.61/29с от 20 апреля 1930 г. отмечено: "Слушали: О Булгакове (Сталин). Постановили: Поручить т.Молотову дать указание т.Кону Ф."

После этого, по всей вероятности, и состоялся упомянутый выше разговор в Главискусстве...

5 мая того же года Булгаков пишет новое письмо на имя Сталина:

"Генеральному секретарю ЦК ВКП(б).

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Я не позволил бы себе беспокоить Вас письмом, если бы меня не заставляла сделать это бедность (безнадежность).

Я прошу Вас, если это возможно, принять меня в первой половине мая.

Средств к спасению у меня не имеется.

Уважающий Вас Михаил Булгаков".

Письмо сопровождалось запиской секретарю Сталина:

"Многоуважаемый т.Товстуха!

Убедительно прошу Вас прилагаемое при этом письмо передать Иосифу Виссарионовичу Сталину.

С уважением Михаил Булгаков.

P.S. Не откажите уведомить меня о получении Вами этого письма.

М.Б. 5.V.1930"

Возможно, что именно это письмо — очередной крик о помощи (в стиле 1929 года), сдвинул с места бюрократическую машину согласований. Соединил пропагандистскую роль звонка вояды с деловой его частью (постановлением политбюро)...

16 мая пошла бумага из МХАТа в Главискусство с просьбой о разрешении принять на работу Михаила Булгакова.

26 мая 1930 года сектор искусств Наркомпроса сообщил официальной, на бланке, бумагой, что "против принятия на штатную должность по режиссерскому составу М.А.Булгакова со стороны Сектора Искусств никаких препятствий не встречается".

И с 27 мая того же года Михаил Булгаков стал сотрудником МХАТа, правда, не из самых значительных.

Таким образом, его поступление во МХАТ шло, как и положено, обычным бюрократическим порядком. Телефонный звонок к делу не подошьешь — мудрость бюрократов всех времен и народов.

Как уже было сказано, режиссер-ассистент Булгаков с 27 мая 1930 года стал получать 150 рублей в месяц; с 1 сентября 1931 года — 200 рублей; с 1 мая 1933 года — 250 рублей. Проработай он дольше, вполне возможно, что вырос бы и в режиссеры... Его актерские и режиссерские способности были признаны обоими директорами МХАТа. Но в середине сентября 1936 года, "после гибели Мольера", из МХАТа он уволился: "тесно мне стало в проезде Художественного театра".

Год катастрофы (с весны 1929 по весну 1930 г.) заканчивался для Булгакова внешне вполне благополучно. Время остракизма прошло: он служил в любимом театре, был загружен всякой театральной работой по горло.

28 декабря 1930 года он записывает загадочное стихотворение "Похороны"...

ГРИГОРИЙ ФАЙМАН

Москва

Продолжение следует.